

Андрей ПЕРМЯКОВ

Андрей Пермяков родился в 1972 году в городе Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую Академию. Жил в Перми и Подмосковье. В настоящее время проживает в Ярославле, работает на фармацевтическом производстве. Стихи, проза и критические статьи публиковались в журналах и альманахах «Абзац», «АлконостЪ», «Арион», «Вещь», «Воздух», «Знамя», «Графит», «День и ночь», «Новая реальность», «Новый мир» и др. Автор книги стихов «Сплошная облачность» (2013) и трёх книг прозы. С 2007 года постоянный автор журнала «Волга». Лауреат Григорьевской премии (2014).

Октябрь

Когда в самом начале астрономических сумерек
Мир, и без того лежащий во зле,
Сделался слишком похожим на языческий оберег,
Когда даром сделался город, видимый на Земле,
Когда... ну, да: только в таком неверном контрольном свете,
Где даже шуршавый пакетик выглядит странно,
Где небывалые, теневые, златоволосые дети
Оказываются теньями весьма облетевших каштанов,
Вдруг оборачиваешься ниотчего, точно услышал тихое слово
Тихих людей земли и всякого такового.

Главное: всё происходит сугубо в бетонных кварталах
Средних вполне городов – не столичных, не деревенских,
В прочных и долгих суставах
Рифм не мужских и не женских.

Думаешь, это навеки, а оно – не навеки.
Плоское время скользит по скользилкам перил.
Прибывают и убывают разные люди,
«Осенние сны не сбываются» – это Плутарх говорил.
А что «Всякий влюблённый – солдат», – то жаловался Назон.
Окна пугают людей в традиционном огне.
Осень сама по себе есть сон.
Октябрь – сон во сне.

Курсе где-то на втором внутренний диалог

...ели даром, огурцы и дыни
(Числа, 11:5)

– «Дыня – частный случай тыквы.
Тыква – общий случай дыни.
Огурец – их мощный сиквел.
Так от веку и доныне. –

Это чистая ботаника,
покорённая природа.

Мёрзнешь, точно на Титанике,
погружаясь в бурны воды.

Это как-то свыше меры
обступили холода:
нерождённое бессмертно,
неживому – ерунда.

Прочим по премногу хуже,
прочим надо одеваться.
Ветер с Камы нежно кружит
холодком за минус двадцать.

Лица будто злые лисы
из большой холодной тьмы.
Так всеядная неделя, фарисеева седмица,
наступает в середине умирающей зимы». –

Просто надо что-то мыслить,
тоже двигаясь кругами.
Например, про мишку гризли,
например, про мишек Гамми.

Морозяка – это ладно,
лето тож придёт, не спросит.
Здесь другое непонятно:
где красаву бесы носят?

– “Непонятно”, скажешь тоже:
Два часа – не опоздание.
Ты свою-то видел рожу,
Приглашая на свидание?

Дядька ж говорил: “не даром” –
В смысле, девки пацанам...
Ну и, значит, с лёгким паром:
в смысле, будем по домам.

В разных смыслах, типа, будем
Ну и чо теперь? Ну, что же?
Вот жеж ни себе, ни людям.
Но кому-то ж – всяко тоже»?

Лицо в летний шарфик прячешь
И, вроде, даже не плачешь.

С веранды

Ежедневная скорость весны –
сто километров на северо-северо-запад.
Вечера идеальной длины

производят яблочный запах.

На утонувших полях,
где грачи-головастики тихо клюют головастиков,
наблюдается птичья любовь впопыхах
и разная прочая пластика.

Но в полдень такой лепоты
крохотный облачный полог
вдруг напоминает, что ты
тоже не слишком долгов:

день начинался неплохо, маня и подмигивая,
а потом безнадёжно перевалил зенит.
Пятак упал на мостовую, звеня и подпрыгивая.
Подпрыгивает, звенит.

Так неспеша выцветает картина,
так неспеша завершается ширь.
Что ж ты разводишь свою паутину
лапками, милый мизгирь?

Тени приходят, как ниоткуда,
будто вернулся джаз.
Я не хочу разгоняться за три секунды
до ста километров в час.

Мир и ловил-то меня честно сказать, не слишком:
малоподвижных ловить – невелика наука.
Упал и раскрылся «Обломов», очень хорошая книжка:
«Век об одном и том же – какая скука».

(Глаз зацепляет цитату, будто бы впопыхах,
но се – идеально, сугубо. И о моих стихах.)

Кочевое

Ровно посреди державы
В месяц долгих слёз
В ноту ми второй октавы
пискнет тепловоз.

Зашевелится стоп-кадр,
Сдвинется вокзал.
Вот Зиновьев Александр
О таком писал:

*«Ах, какая благодать
Скоро снег растает.
И не даст под утро спать
Птиц крикливых стая.*

*Ручейки споют звеня
Песенку простую.
Неужели и меня
Завтра арестуют».*

Жить паяцем – не бояться.
Ветер вольно веет:
Если есть за что, повесят.
Например, за... шею.
Продолжаем славно грезить,
Продолжаем сладко спать,
Планы тихо строим.
«Вместе весело шагать
Под конвоем».

Собрату по чаше (панегирик)

Здорово в векахъ...
(М.Ц.)

Человек говорил, пребывая в худой суете,
на зелёном вине на унылом позимнем дне:
*Что кун – то все в калите
Что порт – то все на себе...*
*Удавился, убожие, смотря на мене*¹

Отхлебнув, оглашаюсь с дьячком:
Житие наше плохо, негодно;
Денежки *долу* ушли кувырком,
Карманы опять пустотны,
Дхармы пустотны, карточки тоже пустотны.

В новостях разнообразная сирия,
А буквы, слагаясь, внушают определённый трепет:
*Ох мне лихого сего попирия;
голова мя болит и рука ся тепет*²

Сам Азь, как ты есть, мнише: вечно помят и обманут.
И, значит, повержен? Однакожде нет.
И ты, Кузьма не тем будь помянут:
Не первый алкаш, но первый московский поэт.
Гласы сладчайши да не престанут.
И да: горний свет. На троих. Горний свет!

Краевед в Гуслицах

¹ Дьяк Кузьма Попович, 1313 год. Кун – денег, порт – штанов, в калите – в кошельке и пр. Впрочем, смысл понятен интуитивно, вопреки семи минувшим столетиям.

² дрожит

«– Там в зарослях такие, типа, гнёзда:
участок небольшой на шесть могил.
Как водится у нас – кресты и звёзды:
четыре – два, Галилеянин победил.

А далее серьёзные погосты:
разбойники, волхвы, старообрядцы.
Там запропасть – ну, прямо очень просто,
Но вот: старообрядцы не боятся.

А почему? А слово знают потому что.
Ты выпей, я малёх приторможу.
Про Кыку слышал? Чо, не слышал? Да неужто?
Не слышал, ну, дак я щас расскажу...».

Этнография в забегаловках – тоже, конечно, хлеб,
Но отчего из возможных соседей Бог посылает всегда дурака?
У дурака у того на футболке написано «...оня креп...»
Если подвинуть толстовку – «Броня крепка».

Домой потянуло

В полузабытых сосисочных, где «Незнакомка» Крамского
обозначает мерцающее присутствие,
ты смотришь в себя, но видишь кого-то другого.
Или себя же, но только опять другого – *более лучшего*.

Нет, чтобы вот подойти вот к тому человеку, сказать приветы,
разговориться, приврать немножко, дальше ещё немножко.
Хотя и не куришь, спросить сигареты.
Однако глядишь в окошко.

Там речка размером с Яузу, только другая
Ты быстро привык смотреть на реки именно так.
Сылву родную забыл, оставил пределы Пермского Края.
Ну, и дурак.

В заброшке

Хорошо, когда вместе в общении...
(Евангелистский гимн)

Хорошо, когда не плохо.
Хорошо, когда порядок.
Хорошо, когда эпоха
тихо-тихо ходит рядом.

Хорошо в зелёной кеге
дозревает белый квас.
Хорошо когда навеки,

хорошо, когда сейчас.

Хорошо, когда играют
Йозеф-Гайдн у пруда.
Хорошо не умирают
ни за что и никогда.

Повезло, когда прольётся
злое-злое мимо нас.
Хорошо, когда смеётся
злое зло в последний раз.

Хорошо, когда... ну, в общем
хорошо, что хорошо.
Ты ещё тут на денёчек
оставайся. Я пошёл.

Обнялись

Вот и доехали, вот и расходимся,
Как не встречались.
Сейчас распогодится,
Будто июль не кончается.

Встретимся лет через восемь
Прекрасные, милые.
Опять станет осень,
Опять будут долгие многие мили.

Сердце моё говорящее,
Ты молодец, ты никогда не шалишь.
Мышь я дрожащая или...
Мышь я дрожащая, или...
Мышь я дрожащая или...
Мышь

Обустривается

*ё-моё
а я нет*

А. Корамыслов

Пишет, чтоб не забыть:
сахар, лимон, удлинитель, выпить, попить.
Покупает, однако, выпить и удлинитель.
От магазина к востоку тянутся жёлтые нити.

*Комната залита алым вечерним светом –
вроде звучит красиво,
но, честно сказать, беспросветное лето
тянет последние силы.*

Душно? Наверное, душно. Или достало.
Что-то мигает в окошке. Похоже, гроза.
Не было ж ничего другого, чтобы мигало.
Мы и природа, понятное дело – за.

Не было ничего другого, что бы мигало.
Разве что ... Да. Но она, скорей, промелькнула.
Атлантида не существовала,
А в девяносто втором насовсем утонула.

Засим внезапно и разом прошло тридцать лет.
Более-менее как-то себе обитал.
Ездил, ходил, оставлял углеродный след.
После – устал.

Теперь, очевидно, последнее собственное жильё.
Точней – предпоследнее и не своё.
Смотрит в казённую чашку, слегка наливает, пьёт.
Мигнув, приговаривает: «За бытиё».

Вот да: почему говорят «бытиё», но небытие?
Может, что ё-моё, а буковка е – ничья?
Шлёпнул рукой по столу, отыгрался на муравье.
Думает: вот для чего раздавил муравья?

Вжух

Атмосферники, поверьте...
Алькор

– Отвалили с полосы,
Покемарю пять минут.
В этом космосе часы
Замечательно идут.

Кстати, хочешь – закури.
Через полчаса подъём.
Видишь, лампочка горит?
Люк откроют, и пойдём.

В этом космосе лететь
Легче, нежели лежать.
– Я хотел бы умереть.
– Было б странным возражать.

Летом на Васильевском

В окрошку добавили соли.
Вспомнили, как оно было.

– Вот жеж творили в школе?
– В школе-то все дебилы.

Топали по поребрикам,
Очень смешно и медленно.
Рустам поседел серебряно,
Я поседел пепельно.

Разные

Гриб лисичка, гриб волчок,
Зонтик, груздь и радоздь.
Дождевик, боровичок,
Снеговик, полевичок,
Гриб сплошная гадость.

Гриб-навозник, гриб-сморчок,
Гриб-татарин, гриб коть-моть³,
Гриб уральский дурачок.
Гриб совсем-иная-плоть,
Гриб вселенский паучок...

Старый, несмысленный бес,
Вошедший в хозяйский лес,
Иные грибочки ищу.
Верую и трепещу.

Утром

В зеркале-то этот как постарел,
А за зеркалом этот не постарел.
А за зеркалом этот весьма поумнел:
Бодр, зол, смел.

(В смысле символического обмена –
Проще о зеркале, нежели о судьбе.
Летов поёт про Питера Пэна:
Про в небо, стало быть, по трубе.)

А этот за зеркалом-то малопьющий,
Собранный, лишнего не говорящий.
В зазеркалье своём неживущий.
По ночам выходящий.

Обломки и культяпки

Там были девочки: Маруся, Роза, Рая.

³ Таким словом некоторые русские дразнят тех, кто коми по национальности (на себя б посмотрели).

(авторов много)

Тут есть кафе «Не проходите мимо» –
не по названию, конечно, но по сути.
Туда приходят Михаил, Алёша, Дима
и прочие роскошнейшие люди.

Се Дима начинает. Ни к селу,
ни к городу, но до чего роскошно!
Как на пластинку ставили иглу:
настолько хорошо, что очень тошно:

«– Она, конечно, говорила “дурачок”,
но так-то говорила, что влюбилась.
Ходила было даж на коньячок,
а платьишко снимать не торопилась...»

Понятное: в строфе опущен мат,
немножечко исправлена ритмичность,
но остаются зонийский лад
и сильно *трогальная* околичность.

Пребудет много разных разговоров,
уйдёт Димон, появится Олег.
Когда немножко омутнеют взоры,
придёт Василий: дивный человек.

Он врёт как дышит: дышит тяжело,
а врёт легко, ну, правда: врёт, как дышит.
Небыстрый, лысый, выпимший зело,
но слово скажет – небушко услышит.

Не отбывал, а погоняло «Зона».
Двух пальцев нет – но это ничего.

Сплошные песни мёртвого сезона;
сплошные песни мёртвого всего.

Про отношения

Алкоголи – это же как обниматься.
Это большая обменная информация.
Не только чтоб ты ему обо всём этом мире,
а как бы и он о тебе и об твоей КВАртире.
И про количество прожитых как-то не так-то лет.

Небо включает свет, выключает свет.

Пошла тяга, прошла тяга –
свободен, бродяга.

Снова центон

Строка, набившую оскомину с рождения:

Не говори с тоскою “нет”.

Но слёзы сами отменяют силу зрения,
поскольку свет

ужасно дорог и ужасно ярок,
хоть вообще отсутствует порою.

И алкоголик пишет без помарок:

«Построили и разорили Трою».

Юбилейное

А жизнь прошла в электропоездах.

Не вся, но скажем так, – по большей части.

В неторопливых избеганьях зла,

В немногумудрых предвкушениях счастья.

(Короче, дальше будет про дорогу,

Ещё – про автостопы, но немного):

Я ехал до войны, но в эпидемию.

Зато – из Магадана в Петушки.

Прикалывался всяко, тратил премию

Смотрел в окошки, кушал пирожки.

И думал... ну, короче, думал что-то.

Про то, какой я, значит, ушлый-дошлый.

Война Левиафана с Бегемотом

Казалась чем-то будущим, но прошлым.

Довольно много разного читал,

Сам видел хитрое про нашу шалость-малость.

В обширном воздухе поигрывал металл,

Но говорю: казалась.

Оказалось.

Википедия про академика

Ранние годы: родился в десятом,

Видел, как расщепляется атом.

Карьера: учился, работал в милиции,

Снова учился. Вёл семинар о природе души и тела.

Перешёл на диалектические позиции,

Сел, удивительно быстро вышел, стал зав. отделом.

Писал о природе законов природы,
Выпустил первый и третий том.
Война и последние годы:
Умер в 92-м

Триумф других

– Ну, говорю же: зачем тебе GPT?
Чем он тебе поможет, да и с какого бы хобота?
Ты не сердись, узбагойся, считай до пяти.
Мы ведь и сами роботы, и мыслим, как роботы.

Ну, правда ж: зачеловеческой сделалась логика.
Главное тут не сдаваться, тут улыбаться до тризма:
давно это было, что бедные люди – пример тавтологии,
теперь, получается: дрон-камикадзе – предел альтруизма.

Госпитальное

«Тут главное – не злоупотреблять
А я и так незло употреблял
Добро употреблял. И все же г⁴лядь –
В больничку с гепатитиком попал.

Так докторша сказала: гепатитик
(Костюм у ей как небо – белый-белый)
Наука, что умеет много гитик,
В мою как раз нисколько не умела.

Не, помереть, канеш, не дали, но...
Смотри: рука – она ж как не рука!
Короче, дело будто в том кино:
«Жить будешь, а жениться нифига».

Но это ладно, фиг бы с ней, с рукой.
Хрен у меня как шланчик: вправо-влево.
Пройдёт, сказали, но вот щас лежу такой –
Ни ришельё, ни людовик, ни королева».

Разнообразие лексики этого человека,
Свидетельствующее о разнообразии слоёв прожитОго,
Говорит о превратностях двадцать первого века,
А так же, что человек прожил жизнь кого-то другого.

(Так можно сказать про любого из нас,
Но мы про соседа сей час.)

Зачем люди скрывают за разнообразными оболочками

⁴ Или «б». Тогда другие знаки препинания, но смысл тот же,

Всё, что заметно, точно на панорамном фото?
За болотными прячутся кочками,
А медведю воевать неохота...

Размышления при засыпании ловят своеобразный ритм;
Тут сосед поворачивается и говорит:
«Сенька-то удавился, вот ведь дурак!»
Далее внятный рассказ, отчего так.

Инструктаж – всегда центон⁵

Соблюдайте походку, держите спокойными лица:
У них тут довольно особая эра.
Малодушие в бедствии, не подобающее арийцу
Следует прятать. Но в меру; всё – в меру.

Не отвлекайте воителя. Даже когда он собаку пилой.
Старайся не выделяться – в профиль, анфас.
Помни: когда покажется, что некто – уж слишком злой,
Связным оказаться может тот ещё <генерал>

К язычникам Севера не ходите, ибо безгрешны они,
Проводящие в гнев и праздности краткие дни,
Приносящие в жертву коней, когда кони ярятся.
От них будет толк.
Язычники Севера пригодятся.
Когда придёт Волк.

⁵ Цитаты из апокрифов и священных текстов, приведённые в данном стихотворении, не имеют целью кого-либо оскорбить.